

Н. В. Репнин

**Сборник Императорского русского
исторического общества**

Том 16

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. В. Репнин**
Сборник Императорского русского исторического общества: Том 16 / Н. В. Репнин – М.: Книга по Требованию, 2016. – 644 с.

ISBN 978-5-4241-3852-2

Бумаги князя Н. В. Репнина за время управления его Литвою (годы с 1794 по 1796). Издано Н. И. Костомаровым.

ISBN 978-5-4241-3852-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ сообщилъ Императорскому Русскому Историческому Обществу собраніе бумагъ изъ фамильнаго архива князей Репнинныхъ, находившагося въ Яготинѣ, Полтавской губ., Пирятинскаго уѣзда, имѣніи, принадлежавшемъ княгинѣ Варварѣ Николаевнѣ Репниной. Бумаги эти относятся къ дѣятельности генераль-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, къ дѣятельности, наполняющей блестящими страницами всю исторію царствованія императрицы Екатерины II. Русское Историческое Общество, сообразно своему обѣщанію издать въ свѣтъ это драгоцѣнное собраніе, издаетъ тѣ бумаги, которыя относятся къ эпохѣ занятія Репнинымъ должности литовскаго генераль-губернатора, въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II, поручивъ выборъ матеріала и редакцію Николаю Ивановичу Костомарову.

Княжеская фамилія Репнинныхъ составляетъ одну изъ отраслей развѣтвившагося на безчисленное множество побѣговъ Рюрикова рода; она еще съ XVI вѣка доставляла русской исторіи знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей. Можно сказать, что съ эпохи великаго князя Василія Ивановича не было ни одного царствованія, при которомъ бы имя Репнина не украшало русскую исторію. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность, какъ въ дѣлахъ военныхъ и посольскихъ, такъ и въ административныхъ, будучи много лѣтъ начальникомъ сибирскаго приказа. Еще славнѣе было поприще сына его, Аникиты Ивановича, одного изъ дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго, бывшаго фельдмаршаломъ и лифляндскимъ генераль-губернаторомъ, а при основаніи коллегій назначеннаго Петромъ президентомъ военной коллегіи. Его сынъ, князь Василій Аникитичъ, былъ генераль-фельдцейхмейстеромъ, участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и помогалъ императрицѣ Маріи Терезіи противъ французовъ на Рейнѣ. Въ свое время онъ славился столько же умомъ, сколько и блестящимъ образованіемъ. Отъ него произошелъ кн. Николай Васильевичъ, родившійся

II

11 мая 1734 года, а скончавшійся, на 68 году отъ рожденія, въ 1801 году. Это было самое знаменитѣйшее лицо во всей фамиліи Репниныхъ, прославившееся столько же военными заслугами, сколько и дипломатическою и административною дѣятельностью. Начало его служебнаго поприща относится къ царствованію Елисаветы Петровны; но то была только эпоха подготовки молодого человѣка, которому впослѣдствіи, уже въ царствованіе Екатерины, пришлось развернуть всѣ свои способности для пользы русскаго государства. Въ 1763 году онъ былъ посломъ въ Польшу, въ самое затруднительнѣйшее время, требовавшее отъ представителя Россіи столько же свѣтлаго ума, сколько непоколебимой воли и рѣшимости; — и то, и другое было показано Репнинымъ въ блистательной степени. Никакія противодѣйствія польской патріотическо-католической партіи не могли побѣдить и остановить русскаго посла. Когда сеймъ энергически началъ протестовать противъ воли русской государыни, онъ посолъ безъ церемоніи приказалъ схватить нѣсколькихъ представителей Рѣчи Посполитой, кричавшихъ противъ Россіи, и отправилъ ихъ въ ссылку въ русскіе предѣлы. Этотъ поступокъ долго послѣ того толковался и объяснялся не только въ Польшу, но и во всей Европѣ, какъ примѣръ неслышанной „московитской“ грубости и вопіющаго неуваженія къ международнымъ правамъ; но Репнинъ не слишкомъ обращалъ вниманіе на толки и коментаріи, а своимъ смѣлымъ поступкомъ сдѣлалъ для цѣлей, предположенныхъ Екатериною, все, что было нужно. Диссиденты и православные нашли въ немъ энергическаго поборника своихъ правъ, равно и простой народъ въ Польшу — охранителя его предъ закономъ, и это тѣмъ замѣчательнѣе, что Репнинъ, весь пропитанный аристократическими тенденціями, велъ дружбу съ польскими панамъ и оказывалъ сочувствіе ихъ жизненнымъ принципамъ, что неоднократно и пробивалось въ его тогдашней перепискѣ. Тѣмъ не менѣе, вѣрный видамъ Екатерины и строго послушный ея велѣніямъ, онъ наилучшимъ образомъ дѣлалъ все, что скоро повело къ первому раздѣлу польскихъ владѣній и къ утвержденію власти Россіи въ особѣ присылаемаго въ Варшаву русскаго посла. Съ 1769 года, разставшись, по волѣ государыни, съ Польшею, онъ нѣсколько лѣтъ участвовалъ на военномъ поприщѣ противъ Турокъ, и, въ 1775 г., заключилъ знаменитый кучукъ-кайнарджійскій миръ. По возвращеніи въ отечество, былъ назначенъ, въ 1777 году, генераль-губернаторомъ въ Смоленскъ, а въ 1779 году, оставаясь въ той же должности, по волѣ государыни, опять обращенъ на дипломатическое поприще и посланъ на конгрессъ въ Тешенъ, гдѣ способствовалъ восстановленію спокойствія въ Германіи. По окончаніи своей дипломатической миссіи, Репнинъ снова, по

вои́хъ государини, обратился къ администраціи и, кромѣ Смоленска, былъ еще генералъ-губернаторомъ Псковскимъ. Въ 1784 году путешествовалъ по Европѣ, а открывшаяся война съ Турціею опять повлекла Репнина на военное поприще. Онъ участвовалъ въ осадѣ и взятіи Очакова, въ 1788 году, а въ 1789 г., командуя арміею въ Молдавіи, одержалъ побѣду надъ турецкимъ войскомъ и загналъ его въ Измаилъ. Главнокомандующій, кн. Потемкинъ Таврическій, не любилъ его, завидовалъ ему и не допускалъ до рѣшительныхъ подвиговъ; но когда, въ 1791 г., самъ уѣхалъ въ Петербургъ, то Репнинъ, оставшись главнымъ командиромъ, такъ стѣснилъ турокъ, подъ начальствомъ ихъ визиря, что они стали просить мира, и заключилъ съ визиремъ предварительныя условія въ Галацѣ. Тутъ прибылъ Потемкинъ и, пользуясь своимъ значеніемъ временщика, началъ оказывать Репнину свое неблаговоленіе. Екатерина II, однако, отнеслась къ Репнину милостивѣе, наградила его орденомъ св. Георгія 1-й степени и назначила намістникомъ Рижскимъ и Ревельскимъ. Между тѣмъ польская трагедія приближалась къ концу. Гродненскій сеймъ устроилъ второй раздѣлъ Польши. Репнинъ, такъ блистательно начавшій эту трагедію, не участвовалъ въ великихъ и шумныхъ ея сценахъ. Но когда наступилъ, такъ сказать, пятый актъ этой трагедіи, и Костюшко поднялъ послѣднія силы умирающаго отечества, Репнинъ, въ качествѣ главнаго командира надъ войсками, предназначенными для дѣйствія въ Литвѣ, явился опять на полѣ дѣйствія; и какъ только начала утихать послѣдняя буря возстанія, императрица ввѣрила ему управленіе Литовскаго края, гдѣ онъ и оставался до кончины Екатерины II.

Преемникъ Екатерины, императоръ Павелъ, восшедши на престолъ, произвелъ его въ генералъ-фельдмаршалы, наградилъ шестью тысячами душъ крестьянъ, и употребилъ, въ 1798 году, на дипломатическое поприще снова, поручивъ ему убѣдить Пруссію отстать отъ союза съ Франціею и дѣйствовать, вмѣстѣ съ австрійскимъ дворомъ, противъ этой республики. Но прусскій король, Фридрихъ Вильгельмъ III, не поддастся никакимъ убѣжденіямъ и Репнинъ былъ государемъ уволенъ отъ службы. Съ тѣхъ поръ онъ проживалъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался, 12 мая 1801 года, отъ апоплексическаго удара, не успѣвъ, по желанію, послужить новому государю, Александру Первому. Съ княземъ Николаемъ Васильевичемъ прекращался его родъ по прямой мужеской линіи. Въ уваженіе къ великимъ заслугамъ, оказаннымъ родомъ Репниныхъ цѣлымъ рядомъ знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей, императоръ хотѣлъ сохранить его фамилію и повелѣлъ внуку покойнаго кн. Николая Васильевича, сыну его дочери, кн. Николаю Волконскому, принять потомственно имя князя

Репнина. Къ этому то періоду его исторической дѣятельности, къ періоду управленія присоединеннымъ къ Россіи Литовскимъ краемъ, относятся издаваемые нами бумаги.

Начало дѣятельности князя Н. В. Репнина въ Литвѣ указано въ собственноручномъ письмѣ императрицы Екатерины II, отъ 22 апрѣля 1794 года (стр. 1). Репнинъ отвѣчалъ государынѣ, „что всюду и всегда готовъ на службу Вашу, лишь бы силы достало на исполненіе мнѣ повелѣннаго“. Потомъ дѣла шли такимъ образомъ.

Генераль Ферзенъ, командовавшій въ собственной Польшѣ, увидѣлъ необходимость сдѣлать главный ударъ на Варшаву, какъ на средоточіе возстанія (стр. 16). Варшава въ то время находилась въ осадѣ прусскими войсками, надъ которыми главную команду имѣлъ самъ король. Осада велась вяло и безуспѣшно. Ни прусскіе генералы, ни король не показали большихъ военныхъ дарованій. Пруссійскій король прислалъ новому виленскому генераль-губернатору меморіалъ съ разными соображеніями о средствахъ взятія польской столицы (стр. 20—30); но эти соображенія, какъ оказывается, не были слишкомъ приняты во вниманіе, и Варшаву взять удалось не пруссакамъ. Вначалѣ сентября, король снялъ осаду, отговариваясь тѣмъ, что въ областяхъ, доставшихся по раздѣлу Пруссіи, происходило возстаніе, которое нужно было укротить, и для того необходимымъ оказалось ближайшее присутствіе короля въ этихъ областяхъ. Главная команда надъ прусскою арміею передана была генералу графу Шверину. Репнинъ получилъ объ этомъ извѣстіе черезъ маіора Мизичека, котораго прусскій король отправилъ къ Репнину въ качествѣ резидента и какъ бы посредника между русскимъ генераль-губернаторомъ въ Вильнѣ и главнокомандующимъ прусскою арміею, гр. Швериномъ. Репнинъ далъ совѣтъ пруссакамъ расположить свои войска такъ, чтобы лѣвнымъ флангомъ они примыкали къ русскому войску, занявшему Вѣлостокъ, подъ начальствомъ Дерфельдена, а съ другой стороны укрѣпились бы на лѣвомъ берегу Нѣмана, занимая пространство между Гродно и Ковно, чтобы прикрыть прусскую границу и продовольствовать войска на счетъ непріятеля ихъ земли (стр. 42).

Между тѣмъ совершилось взятіе Варшавы Суворовымъ. Польскія области успокоились и литовскій генераль-губернаторъ долженъ былъ начать текущее дѣло управленія ввѣреннымъ ему краемъ. Ему предстояло много трудовъ: собрать необходимыя свѣдѣнія и сдѣлать распоряженія объ умиротвореніи дворянства, единственного полноправнаго сословія въ краѣ, въ которомъ господствовалъ польскій строй общественной жизни. 16 ноября 1794 г. онъ прибылъ въ Гродно, гдѣ представились ему тамошніе

жители и въ числѣ ихъ многія особы изъ знатнаго шляхетства. Русскій генералъ-губернаторъ обласкалъ ихъ, увѣрилъ, какъ онъ пишетъ въ донесеніи государынѣ, „въ милости ея императорскаго величества ко всѣмъ спокойно живущимъ, искренно отставшимъ отъ скверности мятежа и такожь повинующимся высочайшей ея императорскаго величества власти, припомянувъ имъ при томъ опытомъ ими дознанную руку Божію, карающую всякое предательство, и что прилежно за тѣмъ смотрѣно будетъ, дабы не были смѣшаны добрые со злыми, но чтобы всякій получалъ достойное по дѣламъ его. Всѣ они приняли сіе объявленіе съ всеподданнѣйшею благодарностію, а мое напоминаніе съ должнымъ повиновеніемъ, и не примѣтилъ я, чтобы кто онымъ оскорбился“ (стр. 54). Репнину приходилось при этомъ оказывать покровительство тѣмъ изъ польскихъ пановъ, которые прежде заявили свое расположеніе къ Россіи и черезъ то навлекли на себя преслѣдованіе отъ патріотовъ. Въ числѣ представившихся Репнину мѣстныхъ дворянъ былъ надворный подскарбій литовскій, Дзялонскій, котораго мятежники, какъ говоритъ Репнинъ въ томъ же донесеніи, не только разорили, но хотѣли судить и повѣсить за то, что онъ не присталъ къ ихъ обществу, и даже табакерку, пожалованную ему императрицею за послѣдній гродненскій трактатъ, долженъ былъ онъ, въ виду висѣлицы, самъ отдать, хотя его собственный сынъ находился въ рядахъ повстанцевъ, и въ то время, взятый въ плѣнъ, былъ въ Смоленскѣ.

25 поября (стр. 60) прислалъ къ Репнину графъ Безбородко замѣчательное письмо, долженствовавшее для генералъ-губернатора въ Литвѣ служить какъ бы наставленіемъ въ способъ управленія краемъ и обращенія съ мѣстными жителями. Безбородко, соглашаясь въ основныхъ взглядахъ съ Репнинымъ, держится принципа равноправности и уваженія къ мѣстнымъ особенностямъ, господствовавшимъ издавна въ краѣ, недавно присоединенномъ къ государству. „Люди къ старому очень привязаны, говоритъ Безбородко, всякая подать менѣе для нихъ тягостна, чѣмъ потеря того, что они за привилегіи свои почитали. Власть самодержавная будетъ въ полной силѣ и святости съ Литовскимъ Статутомъ столько же, сколько же и съ Уложеніемъ, ни правамъ, ни времени несообразнымъ. Искать педантически единообразія была бы такая же химера, какъ предполагать и равенство между людьми... Я настаивалъ при раздѣлѣ 1793 года, чтобы жителямъ тамошнимъ были оставлены ихъ права и привилегіи; да, я думаю, тоже сохранится и при новомъ раздѣлѣ.“ Безбородко, какъ на примѣръ, достойный подражанія, указываетъ на судьбу Малороссіи, которая, благодаря уваженію къ ея мѣстнымъ

особенностямъ со стороны центральнаго русскаго правительства, успѣла совершенно примириться съ своею зависимою отъ русскаго государства. „Когда хотѣли, чтобъ Малая Россія, говоритъ онъ, обрусѣла и привыкла къ соединенію, то послѣ гетмана Апостола сдѣлано было верховное правленіе, въ которомъ членами посажены не руссапѣты и тому подобныя, но генераль-поручикъ князь Шаховской, генераль-маіоръ князь Барятинскій, гвардіи маіоръ Шиповъ, да трое изъ тамошнихъ генеральныхъ старшинъ; въ трибуналѣ — одинъ бригадиръ и два полковника вмѣстѣ съ тамошними чинами. Отъ сего выходило взаимное уваженіе, а въ Литвѣ, правду сказать, есть много людей гораздо починовнѣе, чѣмъ тогда въ Малой Россіи были.“

Обращая взоръ къ Варшавѣ, Безбородко высказываетъ недовольство Суворовымъ за его мягкосердечіе къ королю Станиславу-Августу. „Новый фельдмаршалъ слишкомъ тронуть жалостію къ королю, коего вы больше всѣхъ знаете, и попустилъ ему мѣшаться въ дѣла.“ Въ этомъ замѣчаніи видѣнъ отголосокъ мнѣній Екатерины, которая также была недовольна отношеніями, въ какія поставилъ себя Суворовъ къ польскому королю, за что тогда же написала ему выговоръ. Объ этомъ намекаетъ и Безбородко въ письмѣ своемъ къ Репнину: „Посланы отсюда подробныя представленія, которыя откроютъ глаза заблуждающимся.“ Наконецъ, въ письмѣ Безбородка находятся любопытныя свѣдѣнія о тогдашнемъ поведеніи двухъ польскихъ магнатовъ, въ предшествовавшее время способствовавшихъ печальной развязкѣ послѣдней польской трагедіи. То были польный коронный гетманъ Северинъ Ржевусскій и Щенсный Потоцкій. Первый, по своей близорукости, все еще думалъ о возможности, при русскомъ содѣйствіи, возстановить старую польскую золотую вольность, потрясенную ненавистною для него конституціей 3 мая. „Гетманъ Ржевусскій, пишетъ Безбородко, прислалъ сюда курьеромъ своего адъютанта съ планомъ правленія польскаго и заранѣе торгуется о власти гетманской.“ Щенсный Потоцкій заявлялъ себя благоразумнѣе и склоннѣе примириться съ тяжелыми обстоятельствами своего времени. „Одинъ Потоцкій, сказано въ письмѣ Безбородко, видитъ инако дѣло. Онъ считаетъ разрушеніе Костюшки и взятіе Варшавы концемъ всего и полагаетъ тутъ конецъ и своего гражданства въ Польшѣ, почитая, что онъ незазорно себя оставить можетъ и россіяниномъ.“ (См. также стр. 335).

Въ отвѣтѣ своемъ Безбородку (стр. 69), Репнинъ изъяснялъ надежду, что союзники уладятъ дѣло объ окончательномъ раздѣлѣ между собою земель бывшей Польши, но замѣчаетъ, что французы будутъ возстановлять противъ Россіи Турцію и волновать умы поляковъ, для чего

необходимо имѣть строгое наблюденіе надъ ними. Обращаясь къ вопросу о судьбѣ бывшаго польскаго короля, литовскій генераль-губернаторъ предполагаетъ, что король потребуетъ, „кромя довольнаго себѣ содержанія, чтобы долги его заплатили, чтобы роднѣ его, по крайней мѣрѣ, настоящія ихъ имѣнія оставили, съ прибавленіемъ, можетъ статься, чтобы староствы, ими владѣмья, превращены были въ ихъ пользу въ наслѣдственные деревни и чтобы пенсіи, имъ даваемыя, особливо старшихъ его служителямъ и приверженнымъ къ нему, продолжались по прежнему.“ По имѣнію Репнина, лицамъ, уполномоченнымъ на соглашеніе съ королемъ и на постановленіе съ нимъ условій, нужно заранѣе указать предѣлы, до которыхъ они могутъ поддаваться на требованія, предъявленныя со стороны короля.

Изъ донесенія Репнина (стр. 62 и 65) видно, что тогдашніе литовскіе знатные дворяне, уклоняясь отъ бывшаго возстанія, разбѣжались въ разные края и нѣкоторые изъ нихъ проживали въ то время въ Италіи. Нужно было ихъ, какъ новыхъ подданныхъ Россіи, приводить къ присягѣ на вѣрность. Между тѣмъ явившихся для этой цѣли въ Гродно было небольшое число и Репнинъ не зналъ, можно-ли принимать отъ отсутствующихъ присягу чрезъ повѣренныхъ или непремѣнно требовать ихъ являться самолично. Высочайшій рескриптъ по этому предмету послѣдовалъ 10 января 1795 года, (стр. 107). Государыня дозволяла принимать присягу чрезъ повѣренныхъ, но только отъ лицъ, въ благомысліи коихъ не предстоитъ никакого сомнѣнія. Но если въ Гродно прибывало ихъ для присяги сравнительно немного, то еще менѣе являлось ихъ въ Вильно. Въ краѣ, прилегавшемъ къ послѣднему городу, дворянскіе обыватели запрятались въ своихъ помѣстіяхъ и генераль-губернаторъ поневолѣ могъ имѣть дѣло только съ духовенствомъ. Репнинъ, между прочимъ, воспользовался печальнымъ концомъ казеннаго повстанцами въ качествѣ измѣнника отечеству, виленскаго епископа Массальскаго, указывалъ духовнымъ, что съ ними со всѣми могло быть то же, и представлялъ имъ дѣло повстанья, какъ богопротивное. Духовные выслушали эти наставленія съ благодарностію и почтеніемъ. Репнину представлялись тогда и члены виленской академіи (переименованной впослѣдствіи въ университетъ), которой ректоръ былъ извѣстный въ свое время астрономъ Почебутъ; о послѣднемъ Репнинъ, въ своемъ донесеніи государынѣ, отзывался съ похвалою.

Напечатанное, на стр. 68, письмо неизвѣстнаго по имени поляка къ своей сестрѣ любопытно, какъ по отношенію къ характеру, съ какимъ заявилъ себя кн. Репнинъ въ новой своей должности, такъ и по взгляду,

какой онъ умѣлъ внушить о себѣ у поляковъ. Что это письмо было писано искренно, безъ опасенія отдать его, мимо воли, въ русскія руки, видно изъ такихъ выраженій писавшаго его поляка: „Пускай послушаніе займетъ мѣсто вѣрности и усердія. Должно подъ притворнымъ покровомъ послушанія питать духъ независимости.“ Между тѣмъ, тотъ же полякъ отзывается о Репнинѣ, какъ о человѣкѣ добромъ, начальникѣ милостивомъ и справедливымъ и хвалится, что имѣетъ къ нему доступъ и ведетъ съ нимъ дружелюбныя бесѣды. Главное, чѣмъ привязывалъ къ себѣ Репнинъ покоренныхъ -- была его готовность всякаго выслушивать и даже предостерегать.

Репнинъ не расточалъ предъ поляками лишнихъ обѣщаній, а напротивъ говорилъ, что никому пощады дать не можетъ, особенно тѣмъ лицамъ, которыя были главными заправщиками бывшаго возстанія. Но и этихъ лицъ кн. Репнинъ велѣлъ предостерегать. Мягкость, которою отличался генераль-губернаторъ, не мѣшала ему внушать страхъ и быть строгимъ тамъ, гдѣ было нужно. Амнистія, данная въ Варшавѣ гр. Суворовымъ, не слишкомъ цѣнилась Репнинымъ, давно знавшимъ поляковъ и еще въ прежнія времена своего пребыванія въ Польшѣ не останавливавшимся передъ крутыми мѣрами, когда считалъ ихъ неизбежными. Мало онъ вѣрилъ въ искренность польскаго короля и, исполняя предписанія государыни о водвореніи его въ Гродно, изъяснилъ однако ей мысль (стр. 67), что гораздо безопаснѣе было бы отправить его куда нибудь подальше на жительство, хотя бы, напримѣръ, въ Ригу; въ Гродно же его присутствіе будетъ поводомъ соблазна и искушенія для польскихъ патріотовъ: „Пребываніе его въ Гродно, писалъ онъ, опасаясь, что не будетъ способно, почитая, что для него станутъ въ томъ мѣстѣ толпиться легкомысленные здѣшніе обыватели, и ежели не письменно, то хотя словесно допускать до него всякія несмысленныя басни и сплетенныя ихъ безмозглостью новости, къ колебанію его удобныя.“ Но совѣтъ князя Репнина въ то время не былъ принятъ Екатериной. Станиславу Понятовскому, по прежнему предположенію, суждено было жить въ Гродно, а Репнину выпадало на долю новое затрудненіе — быть его дядькою.

Въ этомъ отношеніи онъ чувствовалъ тягость своего положенія и неоднократно заявлялъ объ этомъ близкимъ особамъ, напр., онъ пишетъ объ этомъ Туттолнину 27 мая 1796 года (стр. 453): „Здѣсь король по прежнему безъ рѣшенія, что весьма меня вѣжетъ, а по обороту дѣлъ въ Италіи, теряю даже надежду, чтобы онъ куда отсель вывезенъ былъ,

что, однакожъ крайне нужно, дабы и я могъ въ открытію губерній приступить. Въ Безбородку онъ писалъ о томъ же (стр. 170).

Въ отвѣтъ Государыни (стр. 109) сказано: „Изъ депеши вице-канцлера Нашего къ послу гр. Разумовскому узнаете Вы, что по собственному своему побужденію не оставила Я въ небреженіи будущій жребій короля польскаго, предложивъ вѣнскому двору согласиться со Мною и съ берлинскимъ объ учрежденіи онаго, что, конечно, и будетъ устроено образомъ, совершенно соотвѣтствующимъ сану и лѣтамъ сего государя, равно какъ и свойственному Миѣ правосудію и той щедрости, каковую Его Величество нерѣдко во мнѣ испыталъ. Но при заботахъ о семъ, съ его стороны оказуемыхъ, такъ какъ и при всѣхъ другихъ приличныхъ случаяхъ, внушайте и твердите ему непрестанно, что мѣра моего къ нему снисхожденія и благоволенія опредѣлится мѣрою его податливости на Мои предложенія и повиновенія судьбѣ, ему уготовляемой; и для того требуйте отъ него строжайшей воздержности во всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ сношеніяхъ, клонящихся къ заведенію какихъ-либо новыхъ хлопотъ, наблюдаю при томъ прилежно за всѣми его шагами и не скрывая даже передъ нимъ самимъ — ибо въ томъ нѣтъ никакой надобности, — что Вы точное имѣете повелѣніе надзирать за всѣми его поступками. Если же, паче чаянія, таковыя Ваши внушенія не подѣйствуютъ, и Вы усмотрите, что Его Польское Величество дозволяетъ себѣ поведеніе вопреки сего Моего предписанія, то въ такомъ случаѣ, и по извѣщеніи Меня о томъ, можно прибѣгнуть къ предлагаемому отъ васъ средству — перевести сего государя въ Ригу, гдѣ дѣйствительно, какъ Вы и сами разсуждаете, удобнѣе будетъ воспрепятствовать всякимъ его неприличнымъ проискамъ и покушеніямъ.“

Въ октябрѣ 1795 года, въ сношеніяхъ между державами раздѣлившими Польшу, возникъ вопросъ о судьбѣ короля польскаго. Пока онъ самъ не сложилъ съ себя короны, онъ, съ точки зрѣнія международнаго права, оставался главою польскаго государства, а слѣдовательно и государство, переставшее существовать фактически, продолжало существовать, такъ сказать, юридически. Екатерина понимала это и 27 октября, въ рескриптѣ къ Репнину (стр. 313), изложила желаніе и необходимость расположить короля къ добровольному отреченію отъ королевской короны. „Основываясь на изъявленной еще сначала симъ государемъ готовности сообразоваться во всемъ волѣ и намѣреніямъ Моимъ, предложите ему немедленно, чтобы онъ, составя формальный актъ, содержащій таковыя его соглашеніе и отреченіе, доставилъ оный черезъ Васъ ко мнѣ въ самомъ кратчайшемъ времени, наблюдая, чтобы въ словахъ и израженіяхъ того

акта не являлся не только какой-либо видъ принужденія, но напротивъ того, чтобы въ немъ изображалось *собственное и полное убѣжденіе Его Величества въ необходимости мѣръ, къ которымъ всѣ три державы прибѣгнули.*“ Въ награду за его покорность, государыня обѣщала ему чрезъ Репнина двѣсти тысячъ червонныхъ ежегоднаго содержанія. Положеніе короля было таково, что отреченіе отъ правъ на то, чего уже онъ былъ лишенъ фактически, могло скорѣе улучшить его, нежели ухудшить, и, 15 ноября 1795 года, онъ подписалъ актъ отреченія, помѣщенный въ XXIV т. Пол. Собр. Зак. Рос. Имперіи. Императрица, изъясняя Репнину признательность за исполненіе ея воли, въ рескриптѣ, 24 декабря 1795 года (стр. 351), предписывала ему назначить караулъ изъ русскихъ войскъ повсюду, гдѣ могло храниться то движимое имущество короля, которое должно оставаться его личною собственностію, независимо отъ коронной собственности, которою онъ пользовался прежде, сообразно своему сану. Что касается до его недвижимой собственности, о сохраненіи которой за нимъ онъ просилъ тогда въ своемъ письмѣ къ императрицѣ, то Екатерина, въ томъ же рескриптѣ къ Репнину, выразила желаніе, съ своей стороны, исполнить и это его требованіе, но отложила до сношенія съ другими дворами. Репнинъ въ донесеніи своемъ императрицѣ, 31 января 1796 г. (стр. 373) извѣстилъ, что король изъяснилъ признательность императрицѣ, получивши ея отвѣтъ. Что же касается до ея предписанія о назначеніи караула изъ русскихъ войскъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ храниться собственность короля, то за выходомъ русскихъ войскъ, мѣста эти остаются не въ русскомъ владѣніи и король по этому пункту не требуетъ болѣе никакихъ перемѣнъ.

Уплата королевскихъ долговъ послужила поводомъ къ официальной и частной перепискѣ, изъ которой нѣкоторые документы вошли въ наше собраніе. Сюда принадлежитъ письмо гр. Борха, отъ 9 января 1795 г. (стр. 105), о взысканіи 18,000 червонцевъ и письмо гр. Бруля, отъ 17 февраля того же года (стр. 140), отыскивавшего старый долгъ на королѣ. Письмо послѣдняго къ Репнину написано въ энергическихъ выраженіяхъ, показывающихъ, какъ вопросъ о королевскихъ долгахъ сильно затрогивалъ живѣйшіе интересы многихъ его кредиторовъ: „Прошу убѣдить Его Величество, пишетъ онъ къ Репнину, что я совсѣмъ не хочу быть ему въ тягость; но умоляю его вспомнить, по крайней мѣрѣ, что онъ разорилъ мое состояніе и лишилъ меня средствъ къ жизни, отнявъ у меня староство Сипское; что прошло уже 32 года, какъ я ношу тягость этого несчастья; его совѣсть должна дать ему почувствовать, что у него нѣтъ долга обязательнѣе моего и, если онъ хочетъ